

A woman with a backpack is walking through a forest floor covered in small, glowing flowers. Several large, glowing raindrops are suspended in the air around her. The scene is illuminated with a warm, golden light, creating a magical atmosphere.

Владимир Кожевников

Сад расходящихся „сейчас“

Владимир Кожевников

Сад расходящихся "сейчас"

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Сад расходящихся "сейчас" / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

Лингвист Элионора Вейс прибывает на далёкую планету, где сталкивается с разумным лесом, общающимся не словами, а ароматами спор. Пытаясь расшифровать этот язык, она невольно впускает в сознание чужую реальность — и обнаруживает, что местная флора воспринимает время иначе: все моменты прошлого и будущего существуют одновременно. Элионора переживает видение собственного сада расходящихся судеб, понимая, что споры — не сырьё для корпорации, а запечатлённые вероятности. Когда начинается промышленная добыча, героиня совершает рискованный шаг — добровольно сливается с лесным разумом, становясь «перекрёстком» между двумя способами бытия. Её жертва позволяет передать людям истинное многомерное восприятие. Оставшись на планете как вечный Садовник, она продолжает учить тех, кто готов заглянуть за пределы линейного времени.

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тишина, пахнувшая ладаном	5
Глава 2. Свидетели тумана	7
Глава 3. Попытка перевода	8
Глава 4. Сад расходящихся «сейчас»	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Владимир Кожевников

Сад расходящихся "сейчас"

Глава 1. Тишина, пахнущая ладаном

Капсула «Гермес-7» — в просторечии «Консервная банка с амбициями» — ввинтилась в плотные слои атмосферы планеты XR-771. Перегрузка сжала тело Элионоры Вейс, превратив его в туго натянутую струну. Несколько бесконечных секунд она была не человеком, а точкой на графике ускорения, распятой между небом и землёй. Потом — глухой удар, дрожь переборок, и тишина. Не та привычная, техническая тишина корабля, наспигованная шорохом регенераторов, а плотная, как вакуум, всосавшая в себя все звуки без остатка.

Ривас, сипло выдохнув, отстегнул ремни.

— Живы. Сенсоры перегружаются. Не доверяй глазам, пока они не проснутся.

Элионора кивнула, не в силах отвести взгляд от иллюминатора. За мутным, ещё не оттаившим пластиком зрело свечение — не люминесценция гнили, не рассеянный свет звезды, а мягкое, жемчужное, словно бы просачивающееся из самих пор реальности. Оно не походило ни на что виденное ею прежде.

Люк отошёл. Воздух планеты хлынул внутрь — влажный, плотный, насыщенный.

Первый вдох. Озон, острый, как лезвие.

Второй. Горьковато-сладкий дым тлеющих смол. Ладан.

Третий. Едва различимый, тёплый, почти телесный запах, от которого защемило в груди.

Каждый вдох был слоем, и каждый слой что-то менял в ней.

Почва спружинила под ногами. Элионора сделала несколько шагов, и каждый отпечаток подошвы на миг вспыхивал бледным сиянием. Земля — если это можно было назвать землёй — состояла из плотного ковра переплетённых нитей, тонких, как паутина, и прохладных на ощупь. Эти же нити вздымались ввысь, сливаясь в колонны невообразимой толщины, и уходили в низкое, затянутое туманом небо. Колонны дышали: по ним пробегали медленные волны света, точно гигантское сердце где-то в глубине планеты разносило по артериям живую кровь.

Она замерла. Это был не лес. Это был собор. И в каждой нити, в каждой споре, мерцающей у подножия, чувствовалась осмысленность. Споры не просто лежали — они двигались. Не хаотично, не подвластные ветру, а направленно, словно крошечные существа, исполняющие безмолвный танец. Когда Элионора наклонилась, десятки искр отделились от ковра и потянулись к её лицу. Она не отшатнулась. Искры осели на щеках, на веках, на губах — и она ощутила прикосновение. Не холод и не тепло. Взгляд. Чужое, спокойное, оценивающее внимание, проникшее под кожу, в самые дальние уголки сознания.

— Элионора, отойди! — голос Риваса разорвал тишину. Он стоял в пяти шагах, сжимая сканер, и лицо его было блее мела. — Приборы фиксируют взаимодействие с нервной системой. Ты не должна их вдыхать!

— Уже поздно, — ответила она, и собственный голос показался ей далёким, почти незнакомым. — Они не вредят. Они... знакомятся.

Она выпрямилась, стряхнув с ресниц последние искры. Мир вокруг слегка плыл, но не как при опьянении — скорее, как при смене оптического фокуса, когда начинаешь видеть не предметы, а пространство между ними. Лес-собор перестал быть декорацией. Он стал текстом. Каждая нить, каждая волна света казались словами, написанными на языке, который она пока не могла прочесть, но уже чувствовала кожей.

Она медленно отошла к одной из колонн, села прямо на мерцающий ковёр и прикрыла глаза. Запахи сделались громче, объёмнее. Она различала десятки оттенков, и каждый нёс не просто формулу, а ритм. Еле уловимый, повторяющийся — как сердцебиение, как стихотворный размер. «Это язык, — подумала она. — Не для ушей, не для глаз. Для дыхания. Они говорят ароматами, и каждая фраза — целая история, закодированная не в последовательности, а в одновременности».

Где-то на границе сознания промелькнула тревожная мысль о «Мнемонике», о контракте, о запланированной промышленной добыче. Она отогнала её прочь. Сейчас имел значение только этот миг — и лес, и споры, и чужое присутствие, которое уже не казалось чужим.

Когда Ривас позвал её в модуль, она поднялась с трудом. Ноги затекли, голова кружилась, но внутри звенела тихая, ни на что не похожая радость — предчувствие открытия, которое перевернёт всё.

Уже лёжа в гамаке, в полумраке модуля, она заметила, что споры, осевшие на тыльной стороне ладони, продолжают мерцать. Их свет был слабым, едва видимым, но ритмичным. Тусклое биение — пауза — снова биение. Оно повторялось в такт её собственному пульсу. Или, может быть, это её пульс подстроился под них?

Она долго смотрела на это мерцание, прежде чем сон сморил её. И всю ночь ей снились сады, которых она никогда не видела, и голоса, звучащие ароматами.

Глава 2. Свидетели тумана

На второй день пребывания туман, до этого висевший жемчужной дымкой под пологом леса, начал сгущаться. Он не накатывал волнами, как на Земле, а именно проступал, словно сама ткань реальности становилась рыхлой, впуская в себя белую мглу. Лагерь экспедиции — несколько надувных модулей цвета хаки у подножия одной из нитевых колонн — казался теперь бутафорским, неуместным, как консервная банка на алтаре.

Элионора провела утро, монтируя оборудование. Стандартный арсенал ксенолингвиста здесь был почти бесполезен. Анализаторы спектра фиксировали сложнейшие ароматические соединения, но расшифровать их как язык не могли. Приборы видели лишь химию. Элионоре же нужно было увидеть смысл.

Свидетели появились беззвучно. Она просто подняла голову от своих спектрограмм и увидела их. Три фигуры на границе восприятия, там, где сияние леса тонуло в тумане. Они не были похожи на гуманоидов. Скорее, на вертикально стоящие каплеобразные сгустки того же тумана, только более плотные, подсвеченные изнутри медленным, ритмичным пульсирующим светом — в такт дыханию леса. У них не было глаз, но Элионора знала: они её видят. Не в оптическом, а в каком-то ином спектре. Она чувствовала их взгляд как лёгкое прикосновение тёплого воздуха к лицу.

Она медленно, стараясь не делать резких движений, коснулась сенсора на запястье, активируя протокол записи. Ривас, стоявший у модуля связи, замер. Его рука невольно дёрнулась к кобуре, но он сдержался. Все они прошли инструктаж: никакого оружия, никакой агрессии. Только наблюдение.

Элионора различала их теперь по ритму пульсации. Двое держались поодаль, их свет был ровным, как у далёких звёзд. Третий же — он стоял чуть ближе, и его свечение менялось в такт её дыханию. Когда она делала вдох, его внутренний огонь разгорался ярче; когда выдыхала — тускнел, словно в знак эмпатии. Этот ритмический диалог длился несколько минут, и Элионора вдруг осознала, что её страх ушёл, уступив место странному спокойствию. От этого Свидетеля пахло влажной землёй и старыми книгами — запах, который она с детства ассоциировала с мудростью. «Наставник», — мысленно произнесла она, ещё не зная, насколько пророческим окажется это имя.

И тут пришёл запах. Он был не похож на фон леса — на ту горьковатую печаль, что пропитывала воздух. Это был сложный, многослойный аромат, развернувшийся в сознании Элионоры не последовательно, а весь сразу. Как если бы она услышала не ноту, а целый аккорд. В нём была влажная прохлада камня, сладость раздавленной ягоды и что-то металлическое, острое — запах крови? Нет, скорее озона после электрического разряда. И всё это одновременно. И в этой симультанности, в этом отсутствии «сначала» и «потом», было значение.

— Они... приветствуют нас? — прошептал Ривас, озвучивая её собственную догадку.

— Нет, — медленно ответила Элионора, не отводя взгляда от сгустков тумана. — Они нас описывают. Они говорят: «Вот существа, пахнущие железом и солью. Существа, чей запах линейен, как у всего мертвого».

В тот момент она ещё не понимала, насколько она права. Она лишь видела, как Наставник вытянул в сторону лагеря тонкое щупальце тумана. Оно не касалось земли, а парило над ней, и на его кончике сгустилось крошечное, яркое, как алмаз, облачко спор. Предложение. Или вопрос. Сформулированный веществом.

Элионора сделала шаг вперёд. Вдохнуть чужой вопрос, чтобы дать ответ всем своим существом. Другого пути не было.

Глава 3. Попытка перевода

Ночь после второго контакта Элионора провела без сна. Она лежала в гамаке, глядя в пластиковый потолок модуля, и слушала, как внутри неё прорастает нечто новое. Мысли больше не текли ровной строкой — они вспыхивали объёмными сгустками, в которых причина, следствие, эмоция и образ существовали одновременно. Она ловила себя на том, что пытается думать словами, но слова не слушались; они рассыпались, теряли порядок, и вместо них рождались странные, многомерные конструкции. Это было похоже на попытку описать симфонию с помощью азбуки Морзе.

К утру она поняла, что нужно действовать. Не просто наблюдать за Свидетелями, а попытаться ответить им. Но как? Она была нема в их мире. У неё не было ни феромонных желёз, ни спор, ни туманного тела. Только разум, который уже начал меняться под воздействием чужого языка.

Она перебралась в лабораторный модуль. Доктор Сато уже хлопотал над пробами, и его лицо выражало смесь восторга и растерянности.

— Эти образцы ведут себя невозможным образом, — сказал он, едва она вошла. — Вот, смотрите. — Он развернул к ней экран. — Одна и та же проба, два анализа с интервалом в час. Состав разный! Как будто споры реагируют на то, что мы их изучаем.

— Они реагируют, — ответила Элионора, присаживаясь к столу. — Они живые. И они не просто вещество — они носители информации. Они... лексемы.

Сато уставился на неё поверх очков:

— Лексемы? Вы полагаете, что это язык?

— Я не полагаю. Я чувствую. — Она поймала его скептический взгляд и добавила: — Вы сами видите: их поведение не случайно. Оно направленно. Когда я приближаюсь к арке, споры движутся ко мне. Когда Хольт проходит там же — они замирают. Они различают нас. Они говорят с нами, просто мы пока не умеем слушать.

Сато помолчал, теребя дужку очков.

— Если это действительно язык, — проговорил он наконец, — то мы имеем дело с разумной формой жизни. С точки зрения устава, это меняет всё. Мы обязаны доложить...

— Кому? — перебила Элионора. — «Мнемонике»? Думаете, они отзовут миссию из этических соображений?

Сато не ответил. Он опустил глаза и вернулся к своим приборам, и в этом движении было больше красноречия, чем в любых словах.

Элионора взяла портативный генератор запахов — устройство, изначально предназначенное для калибровки внешних датчиков. Оно могло смешивать до тридцати ароматических компонентов и выбрасывать их в виде аэрозольного облачка. Идея была грубой, почти варварской — всё равно что объясняться с носителем древнего языка при помощи детских кубиков с буквами. Но другого инструмента у неё не было.

Она начала с простого. Вспомнила три ноты, которые уловила в самый первый день: влажная земля, озон, ладан. В памяти они отпечатались как аккорд, единое целое, но генератор требовал задать последовательность — таково было его техническое ограничение. Она запрограммировала наложение, попытавшись воспроизвести симультанность хотя бы приблизительно.

Аппарат тихо зажужжал и выпустил облачко. Оно было бледным, почти прозрачным, и двигалось не так, как споры — без внутреннего света, без того трепета, который делал живые лексемы похожими на крошечных светлячков. Запах был правильным по химическому составу, но мёртвым. Так пахнут искусственные цветы — вроде бы так же, но без жизни.

Она всё равно решилась.

Когда она вышла к арке, Наставник уже ждал. Он появлялся теперь каждый раз, когда она приближалась к границе лагеря — не потому, что она его звала, а потому, что он, казалось, знал её намерения ещё до того, как она сама их осознала. Его туманное тело мягко пульсировало, и аромат, исходящий от него, сегодня был другим: более тёплым, с нотками любопытства и лёгкой тревоги.

Элионора подняла генератор. Наставник чуть качнулся вперёд, как если бы принялся.

Она активировала устройство.

Аэрозольное облачко поплыло к Свидетелю — медленно, неуклюже. Наставник замер. Его свечение, до того ровное и тёплое, на мгновение стало ярче, а затем резко потускнело, словно внутри него выключили свет. От облачка, достигшего его, донёсся ответный аромат — резкий, металлический, с оттенком горелого пластика и чего-то ещё, что Элионора не могла назвать иначе как болью.

Это не было страхом или гневом. Это было... разочарование. Глубокая, вселенская печаль, как если бы ребёнок протянул ей цветок, а она его растоптала.

— Нет, — прошептала она, опуская прибор. — Нет, прости. Я не хотела...

Но Наставник уже отступал. Его туманное тело становилось всё более прозрачным, и двое других Свидетелей, до того парившие в отдалении, последовали за ним. Через несколько мгновений арка опустела. Остался только запах — тот самый, горький, как жжёная смола, — и тишина.

Элионора стояла одна. Внутри неё боролись стыд, отчаяние и странное, почти физическое ощущение потери. Она только что совершила ошибку — не научную, а человеческую. Она попыталась говорить с существом иного времени на языке последовательностей, и этот язык причинил ему боль.

Ривас, наблюдавший за сценой из лагеря, подошёл неслышно.

— Что случилось? — спросил он, вглядываясь в опустевший туман.

— Я говорила с ними, — ответила она, с трудом выталкивая слова. — Но я разбила их речь на куски. Понимаешь? Они не делят мир на «сначала» и «потом». Для них каждое сообщение — это целостный акт, в котором прошлое и будущее присутствуют одновременно. А я показала им линейную фразу. Это как если бы кто-то вырвал страницу из книги и показал её как целое произведение.

Ривас помолчал.

— Ты сможешь исправить? — спросил он наконец.

— Не знаю, — честно ответила она. — Я даже не знаю, захотят ли они теперь со мной говорить.

Она повернулась и побрела обратно к модулю. В голове шумело, перед глазами плыли круги. А где-то глубоко в сознании, как эхо, звучала мысль — не словами, а тем новым, многомерным способом, который только начинал в ней прорастать: «Ты не можешь перевести нас на свой язык. Ты должна перевести себя на наш».

Вечером того же дня майор Холт вызвал её в командирский модуль.

— Доктор Вейс, — начал он без предисловий, — я наблюдал за вашей работой. Точнее, за её отсутствием. Прошло уже трое суток, а у нас нет ни одной интерпретируемой записи. Ни одного слова этого якобы языка.

— Это не «якобы» язык, — ответила она, стараясь сохранять спокойствие. — Это язык, просто не такой, как наши.

— Мне всё равно, какой он, — отрезал Холт. — Меня интересует только одно: можем ли мы приступить к сбору спор? Корпорация ждёт отмашки. У нас есть оборудование, есть персонал, есть план. Единственное, чего нет — это вашего заключения о том, что сбор безопасен.

— Безопасен для кого? — тихо спросила Элионора.

Хольт прищурился.

— Для персонала, разумеется. И для конечных потребителей препарата.

— А для леса? Для Свидетелей?

— Доктор Вейс, — голос Хольта стал ледяным, — это не переговоры. Это научная миссия с коммерческой целью. Лес — это объект исследования, а не субъект права. Даю вам ещё двое суток. Если за это время вы не предоставите отчёт, я отстраняю вас от полевых работ и начинаю сбор в одностороннем порядке.

Он развернулся к своему планшету, давая понять, что разговор окончен. Элионора вышла, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость. Они ничего не понимали. Ни Хольт, ни «Мнемоника», ни даже, возможно, Ривас и Сато. Они не видели леса — они видели сырьё.

А она уже не могла видеть сырьё. Она видела книгу. И ей предстояло найти способ прочесть её до того, как сюда придут лесорубы.

Ночью она снова вышла к арке. Туман клубился, подсвеченный жемчужным сиянием, и в этом сиянии, далеко-далеко, на самой границе видимости, мерцали три знакомых силуэта. Они не приближались. Но они вернулись.

И самый яркий из них, тот, что светился в такт её дыханию, горел ровным, тёплым светом.

Наставник ждал.

Глава 4. Сад расходящихся «сейчас»

Прошло двое суток. Ультиматум Хольта висел над Элионорой невидимым топором, но она почти не думала о нём. Всё её существо было занято другим — мучительной, захватывающей перестройкой сознания, которая шла изнутри и не поддавалась контролю.

Она начала забывать слова. Сперва простые — «ложка», «крышка», «вода». Потом более сложные — «анализ», «протокол», «контакт». Она тянулась за ними, как за предметами на ощупь в тёмной комнате, но их место занимали новые сущности — многомерные сгустки смысла, в которых объект, действие и контекст существовали нераздельно. Пытаться разбить их на слова было так же мучительно, как разбивать симфонию на отдельные ноты и раскладывать их в линейку. Элионора теряла язык, но обретала нечто большее. И это «большее» пугало её до дрожи.

Ночью, лёжа в гамаке, она плакала. Беззвучно, чтобы никто не услышал. Она оплакивала себя — ту Элионору, которая умела думать словами, которая была учёным, которая строила карьеру и знала своё место в мире. Та Элионора умирала, и на её месте прорастало нечто новое, чужое, пока безымянное. А самое страшное было в том, что она сама не знала, хочет ли остановить этот процесс.

Наставник ждал. Каждый вечер, когда она выходила к арке, он был там — далёкий силуэт, сотканный из тумана и света. Он не приближался, не звал, но его присутствие действовало на неё как тихий, ненавязчивый зов. Он верил в неё. Он знал — знал с самого начала, — что она способна на то, чего не смог бы ни один другой человек в экспедиции. И это знание, исходящее от него, было для неё единственной опорой в те дни.

На третье утро, когда срок ультиматума почти истёк, решение пришло. Не как мысль, а как волна — горячая, затопившая всё существо. Она должна перестать анализировать и начать воспринимать. Перестать быть наблюдателем и стать участником. Единственный способ выучить язык Свидетелей — это дать ему войти в себя целиком, без фильтров, без страховки, без пути назад.

Она долго сидела на краю гамака, сжимая руками колени. Страх был почти физическим — холодный ком в животе, перехватывающий дыхание. Лингвист понимала, чем рискует. Понимала, что может не вернуться. Что та Элионора, которая выйдет из модуля, может никогда больше в него не войти. Но перед её внутренним взором стоял образ — бесконечное дерево, смутно угаданное в предыдущих касаниях, — и желание увидеть его целиком перевесило страх.

— Я иду, — сказала она Ривасу, который только что проснулся и ничего не понимал.

— Куда? — Он сел, протирая глаза.

— К Наставнику. Я хочу, чтобы ты был рядом. Если что-то пойдёт не так... — Она запнулась. — Просто будь рядом.

Они вышли вместе. Туман в то утро был особенно густым, почти осязаемым, и лес-собор тонул в нём, как мифический город, погружённый на дно океана. Нити-колонны светились приглушённо, ритмично, как дыхание спящего великана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.